
ОРГАНИЗАЦИЯ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОГРАММ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

КОММЕНТАРИЙ К ЗАЯВЛЕНИЮ ТРЁХ АКАДЕМИЙ НАУК

© 2018 г. А.И. Иванчик

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
E-mail: ivantchika@gmail.com

Материал поступил в редакцию 15.07.2018 г.

DOI: 10.31857/S086958730002331-2

Публикация тремя авторитетными европейскими академиями, представляющими науку Франции, Германии и Великобритании, специального заявления о методах оценки научной работы показывает, что эта проблема актуальна во всём мире. Озабоченность научного сообщества вызывает распространение формальных методов оценки, в частности наукометрии, в ущерб экспертизе специалистов. Ограниченная применимость этих методов для учёных очевидна, однако в силу их простоты и наглядности они оказываются привлекательными для научных чиновников.

В нашей стране, помимо этой общей причины, имеет значение недоверие чиновников к научному сообществу, а значит, и к экспертным оценкам, которое только оно и может сформулировать. Например, при определении критериев выполнения академическими институтами госзадания на 2018 г. решающая роль отведена формальным показателям публикационной активности, в частности, рассчитанным по данным базы Web of Science квартилям импакт-факторов научных журналов, в которых опубликованы учитываемые статьи. Именно такая практика специально выделяется в заявлении трёх академий как недопустимая.

Пожалуй, важнейший недостаток формального, в том числе наукометрического, подхода к оценке научной работы — это *недостаточный учёт специфики разных научных дисциплин* или даже игнорирование такой специфики: чиновники часто недооценивают этот фактор и стремятся причислить всех под

одну гребёнку. Между тем полный учёт специфики области исследований — совершенно необходимое условие адекватной оценки, в то время как введение одинаковых правил для всех наук крайне вредно. Это касается и использования наукометрии, и опоры на данные Web of Science. Есть области науки (например, биология или физика), где наукометрия хорошо работает — пусть и в качестве вспомогательного инструмента при экспертной оценке. В этих дисциплинах нет смысла отказываться от её использования, и такая практика не вызывает отторжения у соответствующих специалистов. Однако в ряде других областей эти методы работают плохо или не работают совсем, например, в математике или гуманитарных науках, где следует ограничить применение таких методов или совсем от них отказаться.

На мой взгляд, невозможность предложить общий для всех дисциплин рецепт — первый базовый принцип адекватной оценки научной работы, причём касается это и конкретных дисциплин внутри крупных научных направлений: например, при оценке работы в области российской истории, истории Китая и археологии должны использоваться разные критерии. Это связано не только с различающимися практиками публикаций и цитирования, но и с тем простым фактом, что разными тематиками даже в рамках одной науки занимается разное число учёных, а значит, число публикуемых и цитируемых работ в них может отличаться в разы, а то и на порядки. Даже если взять такую, казалось бы, единую дисциплину, как древнегреческая история, нетрудно заметить, что в ней есть традиционно популярные темы (например, история Афин классической эпохи), по которым в течение десятилетий ежегодно публикуются сотни работ, и их авторы цитируют друг друга.

ИВАНЧИК Аскольд Игоревич — член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова.

Наряду с ними изучаются и малоразработанные сюжеты (например, история греческих городов южного берега Чёрного моря), которыми в мире занимаются считанные единицы исследователей. Очевидно, что автор, публикующий статьи в рамках первой тематики, будет иметь гораздо большее число цитирований, чем второй, несмотря на то, что шансов получить новые результаты гораздо больше как раз у второго, занимающегося малоизученными проблемами. То же касается редких специальностей, требующих весьма трудоёмкой профессиональной подготовки, в частности, связанной с изучением редких языков (например, коптология или папирология), и массовых, вроде изучения российской истории Новейшего времени в России. Разумеется, к ним следует применять дифференцированный подход, что вряд ли достижимо при опоре на любые формальные критерии и доступно только в случае экспертной оценки.

Второй базовый принцип связан с *международным характером науки*. Для того чтобы понимать, как соотносится уровень той или иной научной дисциплины с мировым уровнем, необходимо использовать те же критерии оценки, которые применяются в передовых в научном отношении странах. Результаты оценки научной работы здесь и там должны быть сравнимы, в противном случае, если будут применяться замкнутые на Россию методы, представление об уровне российской науки будет превратным, что приведёт к её изоляции и провинциализации. Этот принцип легко сочетается с первым: в развитых странах для разных дисциплин применяются разные способы оценки. Это касается, в частности, и наукометрических данных, основанных на индексах Web of Science: применительно к одним дисциплинам они используются широко, к другим — не используются совсем. Примеры прямого запрета использования наукометрических данных при оценке научной деятельности в европейских странах приведены в комментарии академика А.Н. Паршина, представленном выше. Публикуемое здесь заявление трёх академий заслуживает самого пристального внимания со стороны Российской академии наук. Нашей академии следовало бы присоединиться к этому заявлению, чтобы гармонизировать наши методы оценки научной работы с применяемыми в научно развитых странах и сделать результаты такой оценки сопоставимыми.

С международным характером современной науки связано ещё одно требование — необходимость для учёных всех специализаций публиковаться в международных журналах, высокий уровень которых признан научным сообществом во всём мире. Международные — не значит обязательно иностранные: некоторые российские журналы также являются международными, поскольку в них публикуются статьи в том числе и иностранных авторов. Если само по

себе это требование общее, то способы выделения высокоавторитетных журналов в разных дисциплинах не совпадают. В ряде естественных и общественных наук для этого вполне применим рейтинг Web of Science. В гуманитарных дисциплинах методы иные, но и в них довольно распространено составление списков международно признанных журналов. Только составляются они не издателями, ориентированными на коммерческий интерес, а силами экспертов, и до сих пор в основном ограничиваются национальными рамками. Во Франции, например, подобный список был составлен Агентством по оценке исследований и высшего образования (AERES) [1], однако как деятельность самого агентства, так и классификация журналов в его списке вызвали серьёзную критику, в том числе из-за слишком формального подхода; в результате в 2014 г. агентство было распущено. Его преемник — Высший совет по оценке исследований и высшего образования (HCERES), хотя и сохранил такой список, подходит к этому вопросу гораздо гибче и оставляет его использование на усмотрение научного сообщества [2].

Пожалуй, наиболее успешный в этом отношении международный проект — создание европейского списка European Reference Index for the Humanities (ERIH), который был впоследствии дополнен общественными науками и получил название European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH+) [3]. Однако использовать этот список пока следует осторожно. Дело в том, что контроль качества включаемых в него журналов из некоторых стран пока недостаточен; в частности, в него вошло довольно много российских журналов невысокого научного уровня, даже “мусорных” и “хищнических”. Осознав эту проблему, руководство ERIH+ сформировало совет российских экспертов, которым оно доверяет, и чистка списка уже началась, так что есть надежда, что в скором будущем этот список можно будет использовать и в его российской части.

Хочу ещё раз обратить внимание на то, что публикация в международных журналах, как российских, так и зарубежных, в том числе на иностранных языках, является необходимым условием положительной оценки работы учёного. Ссылки на то, что некоторые журналы отказываются публиковать работы российских исследователей по политическим соображениям, которые иногда приходится слышать, в большинстве своём — не более чем попытка оправдать невысокий уровень предлагаемых статей. Призыв отказаться от учёта импакт-фактора журнала при оценке вышедших в нём статей вовсе не означает призыва отказаться от публикации своих работ в журналах с высокой международной репутацией — просто импакт-фактор не является эффективным инструментом оценки реальной репутации журнала в научном сообществе.

После замечаний общего характера, перейду к более частным, относящимся к *гуманитарным наукам*. Гуманитарные науки обладают существенными особенностями, которые следует учитывать при оценке труда учёных, что делается недостаточно. Эта проблема не является специфически российской, она стоит перед гуманитариями во всём мире и довольно активно обсуждается в последнее время. В частности, на европейском уровне создано экспертное сообщество EvalHum, специально занимающееся вопросами оценки гуманитарных исследований [4] и проводящее регулярные международные конференции по этой тематике. Последняя из них прошла в июле 2017 г. в Антверпене [5]. Надо сказать, что наши западные коллеги живо интересуются тем, что происходит в данной области в России, и посвятили этой теме один из двух основных докладов конференции [6, р. 12]. Специальная сессия, касающаяся использования библиометрии при оценке гуманитарных исследований, была проведена в 2015 г. в рамках генеральной ассамблеи Международного союза академий в Брюсселе.

Среди особенностей гуманитарных наук прежде всего следует указать на иное использование языков в исследованиях, чем это принято в естественных и даже в общественных науках. Для гуманитариев во всём мире характерно сохранение языкового разнообразия публикаций. В отличие от естественных наук, *английский язык не является единственным международным языком* научных работ, наряду с ним статус международных языков сохраняют немецкий и французский, а во многих дисциплинах к ним добавляются и другие языки (итальянский в римской истории и археологии, китайский в китаистике, русский в русских и славянских исследованиях и т.д.). Впрочем, и в гуманитарных науках английский занимает первенствующую позицию и его экспансия заметна, однако она воспринимается, скорее, как негативное явление, особенно в романских странах, где многоязычие в большинстве случаев в гуманитарной среде считается не недостатком, а культурным богатством. В любом случае в гуманитарных науках по-прежнему невозможно работать, используя литературу только на английском языке, а статьи на немецком и французском имеют все шансы быть прочитанными специалистами.

Другая особенность языковых практик, присущих современным гуманитарным исследованиям, — *иная роль национальных языков*, чем в естественных науках. Эта особенность характерна для всех стран, национальные языки которых не являются международными языками науки. Собственно, переход в науке на национальные языки произошёл относительно недавно: единый для всей европейской цивилизации язык науки и образования

существовал несколько столетий, только раньше эту роль играл не английский, а латынь. Например, в Германии, научном лидере той эпохи, до середины XIX в. практиковалась защита диссертаций на латыни даже в естественных науках, а у гуманитариев эта практика продержалась до Первой мировой войны. Переход на национальные языки в науке был отчасти связан с распространением национализма и образованием национальных государств, но в первую очередь был обусловлен демократизацией высшего образования и всего общества, с которым учёные должны были налаживать диалог.

Для гуманитарных наук дополнительный и сильнейший фактор — выполнение ими задачи сохранения национальной культуры и исторической памяти, и эта задача не исчезла и вряд ли исчезнет в обозримом будущем. Во всех странах осознаётся важность сохранения национальных языков в том числе и как языков науки. Последствия отказа от публикаций на национальном языке в области гуманитарных наук очевидны: если такое произойдёт, уже через одно-два поколения устареют и отомрут понятийный аппарат и терминология, и носители языка утратят саму возможность рассуждать на родном языке на сложные темы, что, несомненно, скажется и на общем уровне культуры, и на статусе самого языка. Соответственно, гуманитарии должны публиковаться по меньшей мере на двух языках — одном из международных и родном. Публикации первого типа имеют чисто научное значение и предназначены для коллег: пожалуй, можно сказать, что только они имеют шансы быть прочитанными, а значит, существуют в науке. Публикации на родном языке, не являющемся международным, — это вклад, скорее, не в науку, а в национальную культуру и образование. При обнародовании исследования одновременно и на национальном, и на одном из международных языков достигается баланс этих целей, которые не противоречат, а дополняют друг друга. Именно такой стратегии придерживается большинство гуманитарных учёных. Даже в Норвегии, где английский имеет всеобщее распространение и в образовании, и в науке, как и в других скандинавских странах, гуманитарии продолжают публиковать около 50% своих работ на норвежском, причём эта доля стабильна [7, р. 361–364; fig. 1, 2]. Напротив, число публикаций на национальном языке по естественным и техническим наукам близко к нулю. Примерно та же картина наблюдается и в других странах, где национальные языки не являются международными.

Таким образом, оценка научной деятельности в гуманитарных науках только на основе международных баз данных Web of Science и Scopus, куда попадают в подавляющем большинстве

англоязычные публикации, существенно искажает реальную картину.

Однако языковыми проблемами дело не ограничивается. Вторая группа проблем, относящихся к оценке гуманитарных исследований, связана с тем, что в гуманитарных науках приняты *иные публикационные стратегии*, чем в естественных. Это объясняется уже не различием языковых практик, а методическими различиями. Во всём мире в гуманитарных науках монографии, включая коллективные труды, — основная форма публикации научных результатов, в отличие от естественных, где таковой является статья. В самом деле, в естественных и технических науках доля книг среди публикаций исчезающе мала, тогда как в гуманитарных — весьма заметна. Если в естественных науках на журналы приходится около 90% публикаций, то в гуманитарных — около 50% [7, p. 360–364, fig.1; 8, fig. 27, 28. Благодарю Г. Сиверстена, предоставившего в моё распоряжение презентацию к этому докладу]. И это сравнение только по числу работ, если сравнивать по объёму, то доля книг и статей в сборниках и коллективных монографиях намного превысит долю журнальных публикаций.

Специфичной для гуманитарных наук формой обнародования результатов научных исследований является *введение в научный оборот новых источников*. Речь идёт о публикации текстов (эпиграфических памятников, критических изданий текстов по рукописям, архивных материалов и др.), материальных и нематериальных памятников (результаты археологических, этнографических, лингвистических и других полевых исследований, публикации музейных коллекций и т.д.). Сюда же относится и создание научных словарей, например этимологических. Трудоёмкость таких публикаций, их научная ценность и долговечность, если они выполнены на высоком уровне, существенно выше, чем обычных работ, в которых анализируются источники. По сути, это база гуманитарной науки, на которой основываются аналитические публикации. К этому же типу относятся и полевые исследования, в результате которых формируются экспедиционные архивы, включающие как полевую документацию, так и неопубликованные отчёты. Составление полевой документации и полевых отчётов — трудоёмкий и ответственный процесс, в результате которого создаются первичные источники.

Несмотря на важность таких работ, как опубликованных, так и архивных, они зачастую вообще не считаются научным результатом и не учитываются при оценке научной деятельности в нашей стране. Очевидно, что такое решение могли принять только люди, плохо представляющие себе ситуацию в гуманитарных науках, что ещё раз

свидетельствует о необходимости поручать и выработку правил оценки научной работы, и саму оценку специалистам в соответствующей научной области.

Три указанные особенности — языковая, форма публикаций и роль публикации первичных источников — имманентно присущи гуманитарным исследованиям и всегда должны будут приниматься во внимание при их оценке. К этому добавляется ещё одна проблема — *проблема применимости наукометрии* к оценке гуманитарных работ. Утверждение, что наукометрия, основанная на международных базах данных вроде Web of Science или Scopus, сама по себе не способна обеспечить адекватной оценки научных исследований и должна применяться наряду с квалифицированными экспертными заключениями, верно для всех наук и является общепризнанным. Однако для многих наук наукометрические методы считаются удобными и адекватными, хотя и вспомогательными, способами оценки. В гуманитарных науках это не так, поскольку существующие базы данных отражают положение дел в них совершенно неадекватно. Главная причина — гораздо меньший охват материала, но эта причина не единственная.

Видимо, немалую роль здесь играют также коммерческие интересы составителей баз данных и имеющиеся у них *языковые и национальные предпочтения*. Например, Scopus составляется компанией “Эльзевир”, одним из крупнейших в мире издателей научных журналов. Вряд ли можно сомневаться, что журналы, выпускаемые этой группой, включаются в базу данных практически автоматически. В то же время сам факт издания журнала “Эльзевиром” не гарантирует его качества: известны случаи, когда эта почтенная компания издавала откровенно фейковые псевдонаучные журналы [9]. Возникает также вопрос о том, насколько неравномерная представленность в базе Scopus журналов разных стран отражает их реальный вклад в науку. Так, из журналов по общественным наукам, индексировавшихся в базе в 2009 г., первые две позиции с большим отрывом занимали журналы, издаваемые в англоязычных странах — США (1712) и Великобритания (1040). На третьем месте оказались Нидерланды — 343 журнала, от которых далеко отставали Германия — 191 и Франция — 63 журнала (в 5,5 раз меньше) [10, fig. 20. Благодарю Ф. де Каллатая, предоставившего в моё распоряжение презентацию к этому докладу]. Нечего и говорить, что в действительности вклад Германии и Франции в мировую науку значительно выше, чем Нидерландов и вряд ли существенно ниже, чем Великобритании. Конечно, издаваемые в Нидерландах журналы публикуют не только голландцев, но ведь и французские и немецкие — не только французов и немцев. Нетрудно связать этот странный факт

с тем, что штаб-квартира “Эльзевира” находится в Амстердаме. Впрочем, за прошедшие девять лет ситуация существенно улучшилась.

Гораздо более серьёзной проблемой является очень *незначительное покрытие* гуманитарных журналов существующими базами данных. Например, обе основные системы индексирования — Web of Science и Scopus — покрывают около 80% публикаций норвежских учёных, работающих в естественных науках, и только 10% (WoS) или 30% (Scopus) — в гуманитарных и общественных науках. Если учитывать только журнальные публикации, то Web of Science охватывает 23% публикаций в области гуманитарных наук, а Scopus — 32% [11, р. 600–602]. И это ещё хороший показатель — для других стран он существенно ниже. Web of Science в 2010 г. учитывал лишь 5–10% гуманитарных журналов, причём их выбор довольно случаен и среди них непропорционально широко представлены журналы, издаваемые в США и Великобритании [12]. За прошедшие годы положение несколько улучшилось, однако не радикально. Если же брать не число публикаций, а их объём, то ситуация оказывается и вовсе катастрофической. Ф. де Каллатай, специально изучавший этот вопрос на примере нумизматики, показал, что Scopus покрывает лишь 1,8% публикуемого в год объёма работ в этой дисциплине (около 450 из 25 000 страниц), а та же цифра для WoS и вовсе близка к нулю [13, р. 292–295]. Нет никаких оснований думать, что дело обстоит намного лучше в других гуманитарных науках.

Уже этих примеров достаточно, чтобы отказаться от использования библиометрических показателей для оценки гуманитарных исследований: если они отражают лишь ничтожный процент производимой в данной области научной продукции, то любые выводы, сделанные на основе этих ущербных данных, могут быть только ошибочными. Следует иметь в виду, что названные базы данных особенно плохо отражают ситуацию именно в российской науке, поскольку не индексируют ссылки на публикации, если они выполнены любой системой письма, кроме латинского алфавита: ссылки на публикации на языках, использующих кириллицу (а также греческий, арабский и еврейский алфавит, японские иероглифы или любую другую нелатинскую систему письма), автоматически исключаются из анализа. Например, если автор статьи, опубликованной в “скопусовском” журнале, ссылается на статьи, использующие кириллицу (что совсем не редкость в гуманитарных публикациях, особенно в тех областях, где русский язык играет роль международного), то такие ссылки никак не учитываются. Поэтому в российских журналах, индексируемых в международных базах данных, приходится вводить громоздкую, нелогичную и нужную только сотрудникам этих баз систему

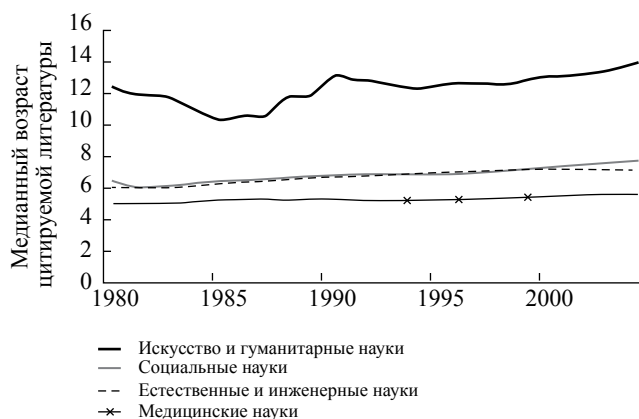
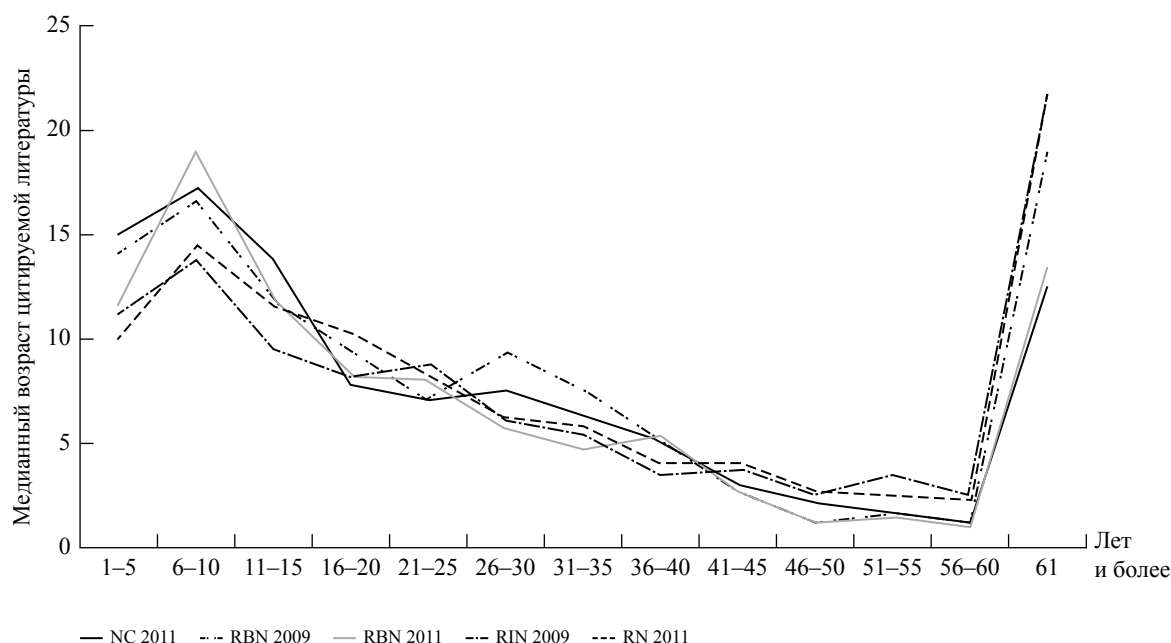

Рис. 1. Медианный возраст цитируемой литературы по областям знаний (1980–2005 гг.)

Источник: De Callatay F. How Poor are Current Bibliometrics in the Humanities? Numismatic Literature as a Case Study // American Journal of Numismatics. 2014. № 26. 2nd series. Gr. 4.

ссылок. В самом деле, если автор статьи, написанной на русском языке, цитирует другую статью на том же языке, в библиографии приходится указывать не только оригинальное описание этой статьи, но и его транслитерацию и перевод на английский, увеличивая тем самым почти вдвое объём библиографии. Поскольку не существует унифицированной и общепринятой системы транслитерации, одна и та же кириллическая фамилия может быть передана разными способами (мне известно по меньшей мере пять способов, которыми передавалась латиницей фамилия Крыжицкий), что порождает дополнительные сложности. Технически после появления Unicode учитывать иные системы письма наравне с латинским должно быть очень просто, однако этого почему-то не происходит.

Наконец, ещё одна особенность гуманитарных наук — отличие практики цитирования и гораздо большая *продолжительность жизни публикаций*, в течение которой они активно цитируются. Если медианная продолжительность жизни статей в медицинских науках составляет около 5 лет, в естественных и социальных науках — примерно 6–7 лет, то в гуманитарных — от 14 до 20 лет (рис. 1) [13, р. 288–292, гр. 4]. В гуманитарных науках активно цитируются и ещё более старые работы, особенно если речь идёт о публикации источников. Обычным делом является, например, активное цитирование публикаций монет или надписей, вышедших в конце XIX в., многие из которых до сих пор не заменены более поздними изданиями и полностью сохраняют своё научное значение. Так, в нумизматических журналах пик цитирования приходится на публикации 6–10-летней давности, потом число цитирований постепенно падает. Однако на них никогда не перестают ссылаться,

Рис. 2. Процент цитированной литературы по периодам в пять лет в пяти ведущих нумизматических журналах

Источник: De Callatay F. How Poor are Current Bibliometrics in the Humanities? Numismatic Literature as a Case Study // American Journal of Numismatics. 2014. № 26. 2nd series. Gr. 6.

а совокупное число публикаций, вышедших более 60 лет назад, составляет около 20%, превышая первый пик (рис. 2) [13, р. 289–290, gr. 6]. Таким образом, для гуманитарных наук учёт цитирований за последние пять лет, широко практикуемый при оценке естественно-научных публикаций, лишён смысла, да и вообще наукометрические инструменты работают здесь совсем иначе, даже если бы они были основаны на полных базах данных.

Меньшая применимость наукометрии и формальных показателей при оценке гуманитарных исследований означает большую роль экспертизы, причём эксперты-гуманитарии, в отличие от естественников, лишены возможности использовать наукометрию даже в качестве вспомогательного инструмента. Соответственно, возрастает необходимость устранения конфликта интересов. Одним из способов достижения этой цели является международная экспертиза.

Итак, говоря об оценке гуманитарных исследований, можно сформулировать ряд рекомендаций.

1. Необходим полный учёт монографий, включая коллективные труды, которые являются основной формой публикации научных результатов в гуманитарных науках. Перед публикацией монографии должны проходить экспертизу, аналогичную той, что проходят статьи в рецензируемых журналах.

2. Нужно обеспечить полный учёт публикаций, вводящих в научный оборот новые источники,

которые составляют базу любого гуманитарного исследования. Эта работа должна оцениваться особенно высоко, выше, чем обычные публикации, а не игнорироваться, как это делается сейчас.

3. Следует поддерживать языковое разнообразие в науке. Гуманитарии должны публиковаться по меньшей мере на двух языках — на родном (в нашем случае русском) и на одном из международных языков — причём не только на английском. Это нужно учитывать при оценке их труда. Одновременно надо поддерживать использование русского языка как международного там, где он обладает этим статусом (например, в славистике и русистике).

4. Необходимо осознать неприменимость наукометрических подходов для гуманитарных наук в нынешних условиях, что связано прежде всего с несовершенством имеющихся баз данных, и отказаться от их использования. Если в будущем удастся создать международные базы данных и индексы цитирования, в которых гуманитарные публикации будут отражаться с той же полнотой, с какой сейчас отражаются публикации по естественным наукам (не только по числу публикаций, но и по их объёму), то к этому вопросу надо будет вернуться. В этом случае библиометрические данные, вероятно, смогут играть в гуманитарных науках ту же роль, что и в естественных, то есть роль удобного вспомогательного инструмента в руках

квалифицированного эксперта. В нынешних условиях эксперт этого инструмента лишён.

Эти рекомендации уже были сформулированы в специальном заявлении Совета по науке при Министерстве образования и науки РФ в марте 2016 г. [14], однако до сих пор игнорировались. Хочется надеяться, что в будущем ситуация изменится к лучшему, тем более что перечисленные требования основаны на консенсусе в международном научном сообществе, о чём свидетельствует публикуемая здесь декларация трёх европейских академий.

ЛИТЕРАТУРА

1. <http://eduscol.education.fr/siene/histoire-geographie/ressources-pour-enseigner/presse-et-revues-numeriques-en-sciences-humaines/portails-presse-et-revues/2084-ressource-11014-aeres-liste-des-revues-en-sciences-humaines-et-sociales.html>
2. <http://www.hceres.fr/PUBLICATIONS/Documentation-methodologique/Listes-de-revues-SHS>
3. <https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>
4. <http://www.evalhum.eu/>
5. <https://www.uantwerpen.be/en/conferences/ressh2017/>
6. *Ivantchik A.* Keynote # 2. The Reform of the Academy of Sciences and Problems of Research Evaluation in Russia: between Bibliometrics and Expert Evaluation // RESSH 2017. 2nd International Conference on Research Evaluation in the Social Sciences and Humanities. Antwerpen, 2017. https://www.uantwerpen.be/images/uantwerpen/container41447/files/A5-BOOK_RESSH2017_170717-interactive.pdf
7. *Sivertsen G.* Patterns of Internalization and Criteria for Research Assessment in the Social Sciences and Humanities // *Scientometrics*. 2016. № 107. P. 361–364.
8. *Sivertsen G.* The Scholarly Publishing Practices of the Humanities and their Representation in Performance Indicators // *Humanities in a Competitive Academic World*. Brussels, 2015. <http://lacademie.tv/cycles/les-sciences-humaines-dans-un-monde-academique-en-concurrence>
9. *Grant B.* Merck Published Fake Journal // *Scientist*. 20.04.2009. <https://www.the-scientist.com/the-nutshell/merck-published-fake-journal-44190>
10. *De Callatay F.* Les sciences humaines dans un monde académique en concurrence: une esquisse de cadre général // *Humanities in a Competitive Academic World*. Brussels, 2015. <http://lacademie.tv/cycles/les-sciences-humaines-dans-un-monde-academique-en-concurrence>
11. *Sivertsen G.* Scholarly Publication Patterns in the Social Sciences and Humanities and their Coverage in Scopus and Web of Science // *Context Counts: Pathways to Master Big and Little Data* // *Proceedings of the Science and Technology Indicators Conference* / Ed. by E. Noyons. Leiden, 2014.
12. *Dassa M., Kosmopoulos Ch., Pumain D.* Journal Base. Comparer les bases des données scientifiques internationales en sciences humaines et sociales (SHS). <https://journals.openedition.org/cybergeog/22864>
13. *De Callatay F.* How Poor are Current Bibliometrics in the Humanities? Numismatic Literature as a Case Study // *American Journal of Numismatics*. 2014. № 26. 2nd series.
14. https://sovet-po-nauke.ru/info/31032016-declaration_hum